

Бѣжить за милой суетой.
 За что жъ виновнѣ Татьяна?
 За то ль, что въ милой простотѣ
 Она не вѣдаетъ обмана
 И вѣрить избранной мечтѣ?
 За то ль, что любить безъ искусства,
 Послушная влеченію чувства;
 Что такъ довѣрчива она,
 Что отъ небесъ одарена
 Воображеніемъ мятежнымъ,
 Умомъ и волею живой,
 И своенравной головой,
 И сердцемъ пламеннымъ и нѣжнымъ?
 Ужели не простите ей
 Вы легкомыслія страстей!
 Кокетка судить хладнокровно;
 Татьяна любить не шута
 И предается безусловно
 Любви, какъ малое дитя.
 Не говоритъ она: отложимъ—
 Любви мы цѣну тѣмъ умножимъ,
 Вѣрнѣ въ сѣти заведемъ;
 Сперва тѣснѣе кольнемъ
 Надеждой, тамъ недоумѣнемъ
 Измучимъ сердце, а потомъ
 Ревнивымъ оживимъ огнемъ;
 А то, скучая наслажденіемъ,
 Невольникъ хитрый изъ оковъ
 Всечасно вырваться готовъ.

Вотъ еще отрывокъ изъ «Онѣгина», который выключенъ авторомъ изъ этой поэмы и особенно напечатанъ въ IX томѣ:

О вы, которые любили
 Безъ позволенія родныхъ,
 И сердце нѣжное хранили
 Для впечатлѣній молодыхъ,
 Для радости, для нѣги сладкой—
 Дѣвицы! если вамъ украдкой
 Случалось тайную печать
 Съ письма любезнаго срывать,
 Иль робко въ дерзостныя руки
 Завѣтный лононь отдавать,
 Иль даже молча позволять
 Въ минуту горькую разлуки
 Дрожащій поцѣлуй любви,
 Въ слезахъ, съ волненіемъ въ крови,—
 Не осуждайте безусловно
 Татьяны *оттѣренной* (?) моей;
 Не повторяйте хладнокровно
 Рѣшеніе чопорныхъ судей.
 А вы, о *дѣвы безъ упрека!*
 Которыхъ даже рѣчь порока
 Страшитъ сегодня какъ змѣя—
 Совѣтую вамъ то же я:
 Кто знаетъ? пламенной тоскою
 Сгорите, можетъ быть, и вы—
 И завтра легкой судъ молвы
 Припишетъ модному герою
 Побѣды новой торжество:
 Любви васъ шитье божество.

Только едва ли найдетъ, прибавимъ мы отъ себя прозой. Нельзя не жалѣть о поэтѣ, который видитъ себя принужденнымъ такимъ образомъ оправдывать свою героиню передъ обществомъ—и въ чемъ же?—въ томъ, что составляетъ сущность женщины, ея лучшее право на существованіе—что у ней есть сердце, а не пустая яма, прикрытая корсетомъ! Но еще болѣе нельзя не жалѣть объ обществѣ, передъ которымъ поэтъ видѣлъ

себя принужденнымъ оправдывать героиню своего романа въ томъ, что она—женщина, а не деревяншка, выточенная по подобію женщины. И всего грустнѣе въ этомъ то, что передъ женщинами въ особенностяхъ ставается онѣ оправдать свою Татьяну... И зато съ какой горечью говоритъ онѣ о нашихъ женщинахъ вездѣ, гдѣ касается общественной мертвенности, холода, чопорности и сухости! Какъ выдается вотъ эта строфа въ первой главѣ «Онѣгина»:

Причудницы большаго свѣта!
 Всѣхъ прежде васъ оставилъ онѣ.
 И правда то, что въ наши лѣта
 Довольно скученъ высшій тонъ,
 Хотя, можетъ быть, иная дама
 Толкуетъ Сея и Бентама;
 Но вообще ихъ разговоръ—
 Несносный, хоть невинный вздоръ.
 Къ тому жъ онѣ такъ непорочны,
 Такъ величавы, такъ умны,
 Такъ благочестія полны,
 Такъ осмотрительны, такъ точны,
 Такъ неприступны для мужичъ,
 Что видѣ ихъ ужъ рождаетъ сплинъ.

Эта строфа невольно приводитъ намъ на память слѣдующіе стихи, невошедшіе въ поэму и напечатанные особо (т. IX):

Морозъ и солнце—чудный день!
 Но нашимъ дамамъ видно лѣнь
 Сойти съ крыльца и надъ Невою
 Влестнуть холодной красотою:
 Сидятъ—напрасно ихъ манитъ
 Пескомъ усыпанный гранитъ.
 Умна восточная система
 И правъ обычай стариковъ:
 Онѣ родились для гарема
 Иль для неволи..

Но и на Востокѣ есть поэзія въ жизни, страсть закрадывается и въ гаремы... Зато у насъ царствуетъ строгая нравственность, по крайней мѣрѣ вѣщная, а за ней иногда бываетъ такая не поэтическая поэзія жизни, которую если воспользуется поэтъ, то, конечно, ужъ не для поэмы...

Если бы мы вздумали слѣдить за всѣми красотами поэмы Пушкина, указывать на всѣ черты высокаго художественнаго мастерства, въ такомъ случаѣ ни нашимъ выпискамъ, ни нашей статьѣ не было бы конца. Но мы считаемъ это излишнимъ, потому что эта поэма давно оцѣнена публикой, и все лучшее въ ней у всякаго на памяти. Мы предположили себѣ другую цѣль: раскрыть по возможности отношеніе поэмы къ обществу, которое она изображаетъ. На этотъ разъ предметъ нашей статьи—характеръ Татьяны, какъ представительницы русской женщины. И потому пропускаемъ всю четвертую главу, въ которой главное для насъ—объясненіе Онѣгина съ Татьяной въ отвѣтъ на ея письмо. Какъ подѣйствовало на нее это объясненіе, понятно: всѣ надежды бѣдной дѣвушки рушились, и она еще глубже затво-